

СВОЙСТВА КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ

С.А. Мосин

Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики, г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

02 августа 2020 г.

Дата принятия в печать –

20 июня 2021 г.

Дата онлайн-размещения –

20 сентября 2021 г.

Ключевые слова

Правовой принцип,
конституционный принцип,
свойства конституционных
принципов, правовая аксиома,
правовая презумпция,
юридическая фикция

Исследуется триединство свойств конституционных принципов, дается их характеристика. Делается вывод, что конституционный принцип представляет собой определяющее базовое содержание общественных отношений, основополагающее нормативное установление, которое одновременно обладает свойствами аксиоматичности, презумптивности и фиктивности. Отмечается, что триединство свойств конституционных принципов отражает их правовую сущность как основополагающих нормативных установлений, которые определяют общеобязательные базовые правила и направления развития правовой системы, обеспечивают стабильность правовой системы государства, обладают возможностью своевременного развития и адаптации к изменяющейся правовой действительности.

PROPERTIES OF CONSTITUTIONAL PRINCIPLES

Sergey A. Mosin

HSE University, Moscow, Russia

Article info

Received –

2020 August 02

Accepted –

2021 June 20

Available online –

2021 September 20

Keywords

Legal principle, constitutional
principle, properties of
constitutional principles, legal
axiom, legal presumption, legal
fiction

The subject. The article is devoted to the study of the trinity of properties of constitutional principles.

The purpose of the article is to confirm the hypothesis that constitutional principles, often perceived by researchers and law enforcement officials as abstract norms with declarative content, are in fact full-fledged legal institutions that are endowed with all the necessary properties to achieve constitutional goals. In this regard, the article analyzes the property of axiomatcity, the property of presumptivity and the property of fictitiousness of constitutional principles.

The methodology. The systemic-structural, comparative, formal-legal and formal-logical methods made it possible to identify and characterize the properties of constitutional principles, such as axiomatcity, presumptivity and fictitiousness. The use of these methods in their combination predetermined the appeal not only to topical problems of constitutional law, but also to issues of the theory of law, as well as other branches of law, which made it possible to most objectively and comprehensively approach the study of the properties of constitutional principles.

The main results of the research. The trinity of the properties of the constitutional principle lies in the fact that the constitutional principle formulates the basic rule and determines the direction of development of the legal system and thereby has the property of axiomatcity. At the same time, the constitutional principle has the property of presumptivity due to the duty of the law enforcement officer to proceed from the assumption of compliance with the provisions of such a principle by all subjects of legal relations. Thereby constitutional principle ensures the necessary stability of the legal system of the state. At the same time, in order to achieve full-fledged stability of the legal system, along with the assumption that the subjects of legal relations comply with the provisions of the constitutional principles, it should be possible to monitor such compliance. In the absence of prior control over compliance with the provisions of the law, the solution is the application of legal presumptions. In this regard, within the framework of the presumptive property of constitutional principles, constitutional presumptions are inextricably linked with the corresponding constitu-

tional principles. In turn, having the property of fictitiousness, the constitutional principle allows to interpret the provisions that make up such a constitutional principle and, as a result, create the necessary regulatory legal framework.

Conclusions. Constitutional principles are the driving force of the legal system. They fill all legal relations without exception with legal meaning and content and have a special meaning due to their irreplaceability and the obligation to strictly observe them. In turn, the trinity of properties of the constitutional principles reflects their legal essence as fundamental normative provisions that determine the generally binding basic rules and directions of the development of the legal system, ensure the stability of the legal system of the state, and also have the possibility of timely development and adaptation to the changing legal reality.

1. Введение

Правовые принципы являются важнейшими правовыми категориями, лежащими в основе правовой системы, которые проникают во все сферы жизни общества и государства, определяя их развитие. Правовым принципам совершенно обоснованно придается особое значение, обусловленное их незаменимостью и обязательностью неукоснительного соблюдения. В первую очередь это относится к конституционным принципам, которые играют определяющую роль в формировании законодательства, поскольку «специфика принципов конституционного права состоит в том, что они являются основой для всех других отраслевых принципов, которые базируются на них» [1, с. 374]. Совокупность таких принципов лежит в основе правовых систем государств, включая Российскую Федерацию, и «коллективных конституционных культур Европы, даже если их толкование и применение в различных национальных конституционных порядках различны» [2, р. 602]. Нет сомнений в том, что конституционные принципы являются движущей силой правовой системы, наполняют правовым смыслом и содержанием все без исключения правоотношения, являются их источником, что делает такие принципы руководящими началами правового регулирования.

Вместе с тем известно, что конституционные принципы обладают определенной спецификой, выводящей их за рамки обычных правовых установлений. В частности, отличительной чертой конституционных принципов является их нормативная обобщенность и отсутствие конкретно определенных границ правового содержания. В свою очередь, например, такие основополагающие принципы, как демократическое, правовое и социальное государство, не имеют устоявшихся правовых дефиниций. Следствием этого является необходимость дальнейшей нормативной конкретизации и соответствующей интерпретации конституционных принципов.

Отметим, что проблема нормативности конституционно-правовых установлений, в том числе вследствие их общего характера, до настоящего времени вызывает дискуссии среди правоведов. Также отсутствует единое понимание правовой сущности конституционных принципов. Результатом является то, что конституционные принципы в теории и на практике зачастую продолжают восприниматься как абстрактные нормы с декларативным содержанием. Тем не менее не вызывает сомнений тот факт, что конституционные принципы являются полноценными правовыми установлениями, обладающими необходимыми свойствами для достижения обозначенных в Конституции РФ целей. В связи с этим полагаем актуальным дальнейшее исследование вопросов, затрагивающих правовую природу конституционных принципов.

Среди исследований, затрагивающих вопросы правовой сущности конституционных принципов, следует отметить монографию Н.В. Витрука «Верность Конституции» [3], в которой автор раскрыл широкий круг общетеоретических вопросов, в том числе касающихся онтологии Конституции РФ, ее социально-правовой сущности, ценностной характеристики, механизмов действия и реализации, конституционных принципов. Также основой для настоящего исследования послужили отдельные статьи Е.С. Аничкина [4], Н.А. Арапова [5], М.Н. Воробьевой [6], Е.В. Ильиной [7], Ю.В. Кима [8], Г.Н. Комковой [1], А.А. Ливеровского [9], Н.И. Матузова [10], В.Н. Пяткина [11], В.А. Сивицкого [12] и др.

При этом следует отметить, что имеющиеся исследования как правовых принципов в целом, так и конституционных принципов в частности не уделяют должного внимания характеристикам свойств правовых принципов, что в итоге приводит к ограничению развития положений, прежде всего конституционных принципов и, соответственно, возможностей их полноценной реализации.

В рамках настоящей статьи конституционные принципы рассматриваются сквозь призму триединства их свойств, при котором они одновременно обладают свойствами аксиоматичности, презумптивности и догматической фиктивности (далее – свойство фиктивности). Это связано с потребностью исследования данных принципов «как единой, глобальной, независимой и самодостаточной, но при этом изменяющейся правовой категории, которая в полном объеме обеспечивает становление правовой системы, ее эффективную защиту и стабильное развитие» [13, с. 51]. В свою очередь, исследование свойств конституционных принципов является одним из направлений, открывающих новые возможности для изучения таких принципов и взаимосвязанных с ними правовых категорий. Как верно отмечает Н.И. Матузов, «углубленный анализ принципов права может способствовать решению вечной проблемы правопонимания и правообразования. Ведь право – сложное общественное явление, имеющее множество измерений: социальное, экономическое, политическое, культурное, нравственное, философское, аксиологическое, волевое, информационное. И понятно, что раскрытие принципов права не может не выражать сущность самого права по всем указанным параметрам и направлениям» [10, с. 18]. В связи с этим не вызывает сомнений высокий потенциал развития конституционных принципов, которому способствуют их всесторонние исследования.

2. Триединство свойств конституционных принципов

Очевидно, что «возложенная на конституционные принципы системообразующая роль предъявляет к ним специфические требования. Во-первых, конституционные принципы должны формулировать общеобязательные базовые правила и определять направление развития правовой системы. Истинность таких базовых правил должна быть бесспорна. Во-вторых, конституционные принципы призваны обеспечивать стабильность правовой системы государства. В-третьих, конституционные принципы должны быть наделены возможностью своевременного развития и адаптации к изменяющейся правовой действительности» [13, с. 50].

Чтобы соответствовать этим требованиям, конституционные принципы одновременно сочетают в себе различные свойства. Этими свойствами, на наш взгляд, является свойство аксиоматичности, свойство презумптивности и свойство фиктивности. Таким образом, триединство свойств конституционного принципа заключается в том, что, формулируя

базовое правило и определяя направления развития правовой системы, конституционный принцип тем самым обладает свойством аксиоматичности. Вместе с тем конституционный принцип обладает свойством презумптивности вследствие обязанности правоприменителя исходить из предположения о соблюдении положений такого принципа всеми субъектами правоотношений, обеспечивая тем самым необходимую стабильность правовой системы государства. В свою очередь, обладая свойством фиктивности, конституционный принцип позволяет гибко интерпретировать составляющие такой конституционный принцип положения и, как следствие, создавать необходимую нормативную правовую базу. Остановимся на каждом из указанных свойств.

3. Свойство аксиоматичности

Правовые аксиомы имеют давнюю историю. Нельзя не согласиться с тем, что аксиомы являются продуктом общечеловеческого развития, поскольку основные представления о праве, справедливости, правосудии сформировались на заре цивилизации [14, с. 28].

Аксиомой является исходное положение научной теории, принимаемое в качестве истинного без логического доказательства и лежащее в основе доказательства других положений этой теории [15, с. 16]. Данный термин применим в различных научных областях, и область права не является исключением. Правовые аксиомы являются теми основополагающими непреложными истинами, которые находят свое отражение в различных отраслях права и способствуют эффективному правовому регулированию. Отмечая это, Т.Н. Радько рассматривает правовые аксиомы как исходные и непреложные истины, закрепленные в правовых нормах, определенные постулаты юридической науки и судебной практики, не требующие доказывания общеизвестные факты в силу их очевидности [16, с. 123]. В свою очередь, С.С. Алексеев справедливо отмечает, что правовые аксиомы представляют собой важнейшие принципы права, закрепленные в нормативных правовых актах [17, с. 111]. Действительно, такое положение вещей можно считать абсолютно естественным, поскольку обретение аксиомами статуса правовых принципов является закономерным этапом развития и становления данной правовой категории в правовой системе государства. Отмечая продолжительность формирования правовой аксиомы, нельзя не отметить неизбежное возникновение взаимосвязи правовых норм с нормами морали. Так, по мнению Н.А. Чечиной, аксиомами являются такие

нормы права, которые выражают содержание общечеловеческой морали, потому что, во-первых, необходимость соблюдения содержащихся в них правил поведения очевидна с точки зрения здравого смысла, принципов морали и справедливости, поэтому не нуждается в особых доказательствах; во-вторых, данные нормы играют роль основных положений, на содержании которых базируется большинство других правил системы, исходя из того, что право призвано отвечать принятому в обществе понятию справедливости [18, с. 89].

Принимая во внимание изложенное, бесспорным, на наш взгляд, является тот факт, что конституционные принципы обладают свойством аксиоматичности, поскольку формулируют общеобязательные базовые правила, которые составляют не доказуемые и не требующие доказательств непреложные исходные истины, лежащие в основе правовой системы государства и определяющие направления ее дальнейшего развития.

Рассматривая свойство аксиоматичности конституционных принципов, также следует обратиться к некоторым аспектам философии права. Известно, что существуют различные типы правопонимания. Так, естественноправовой тип правопонимания характеризуется правовым дуализмом – разграничением естественного и позитивного права. Устанавливая приоритет естественного права, данный тип правопонимания не допускает противоречия естественному праву позитивного права. Это означает необходимость нормативного закрепления положений естественного права на условиях их приоритета с последующим запретом нарушения таких норм.

Такой подход лежит в основе Конституции РФ, которая устанавливает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Не вызывает сомнений то обстоятельство, что «необходимость соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина очевидна с точки зрения здравого смысла, принципов морали и справедливости и вследствие этого не нуждается в каких-либо доказательствах. В демократическом и правовом государстве права и свободы всегда должны находиться на первом месте, всячески соблюдаться и защищаться. Это проверенный временем постулат, который является исходным началом всех демократических конституций. Сложно представить, что в рамках современного демократического и правового государства соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина нуждались бы в дополнительном обосновании или вообще не были бы приоритетной обязан-

ностью власти» [19, с. 53]. Несомненно, данный конституционный принцип обладает свойством аксиоматичности и имеет ключевое значение в формировании и укреплении как основ конституционного строя в целом, так и основ правового государства в частности. Следует обратить внимание, что в основе законодательства Европейского Союза в целом и входящих в него государств наряду с верховенством закона, свободой, демократией и равенством фундаментальной ценностью являются права человека [20, р. 512], которые, впрочем, могут быть вовлечены в определенную конкуренцию с другими конституционными принципами [21] и зачастую требуют определенной адаптации национальных конституционных традиций к общеевропейским положениям [22, р. 7].

По справедливому мнению А.С. Сидоркина, принципы права образуют стройную систему, где один принцип выводится из содержания другого. При этом ключевым принципом, по мнению данного исследователя, является принцип верховенства прав и свобод человека [23, с. 9]. Основополагающий характер данного конституционного принципа обусловлен свойством его аксиоматичности. Права и свободы человека и гражданина обуславливают содержание всех конституционных принципов. Вследствие этого конституционные принципы наделяются свойством аксиоматичности. Полагаем, что свойство аксиоматичности характеризует конституционные принципы как основу позитивного права (правового закона), которое характеризуется как общеобязательная форма равенства, свободы и справедливости. Очевидно, что этот тезис справедлив и по отношению к правам, закрепленным, в том числе, в Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Хартии Европейского Союза об основных правах. Несмотря на имеющиеся определенные особенности интерпретации европейскими судебными органами [24, р. 483], роль основных прав и свобод, в том числе в разрезе социальных и экономических аспектов [25, р. 97], непрерывно возрастает и определяет все направления развития европейских государств.

Таким образом отметим, что в рамках триединства свойств конституционный принцип обладает свойством аксиоматичности, которое обосновывается системообразующей ролью такого принципа и, как следствие, формулированием им общеобязательного базового правила, представляющего не доказуемые и не требующие доказательств непреложные исходные истины, лежащие в основе правовой системы государства и определяющие направления

ее дальнейшего развития. Как верно отмечает Н.А. Арапов, принципы конституционного права основаны на конституционно значимых этических идеях, а их содержание сформулировано как стандарт, представляющий собой требование наибольшего соответствия таким идеям [5, с. 106]. Иного подхода, на наш взгляд, быть не может.

4. Свойство презумптивности

Известно, что Конституция РФ предписывает органам государственной власти, органам местного самоуправления, должностным лицам, гражданам (их объединениям) соблюдать ее положения, а также законы. При этом такое надлежащее соблюдение указанным кругом субъектов правоотношений предполагается, поскольку в рамках отечественной правовой системы предположение о несоблюдении субъектами правоотношений положений Конституции РФ и законов невозможно и недопустимо. Подобный подход противоречил бы прежде всего основам правового и демократического государства. Более того, Конституция РФ принята на всенародном голосовании, что свидетельствует о выборе и принятии гражданами закрепленных в ней ценностей. Прежде всего это касается прав и свобод человека и гражданина и их приоритет. Возложенная на конституционные принципы задача по обеспечению стабильности правовой системы государства в рамках реализации сформулированных ими базовых правил достигается в том числе посредством обязывания правоприменителя в своей деятельности исходить из такого предположения. Стабильность правовой системы в данном случае обеспечивается отсутствием необходимости постоянного предварительного контроля правомерности деятельности субъектов всего спектра правоотношений, в том числе органов государственной власти и издаваемых ими нормативных правовых актов, который бы парализовал всю правовую систему.

Применительно к конституционным принципам такой подход освобождает от необходимости предварительно устанавливать факт соблюдения субъектами правоотношений положений конституционных принципов при возникновении тех или иных правоотношений. В свою очередь, для достижения полноценной стабильности правовой системы одновременно с предположением о соблюдении субъектами правоотношений положений конституционных принципов должна предусматриваться возможность контроля за таким соблюдением. В условиях отсутствия предварительного контроля за соблюдением положений законодатель-

ства решением становится применение правовых презумпций, поскольку без возможности подвергнуть сомнению соблюдение правового принципа вряд ли можно рассчитывать на его беспрекословное исполнение субъектами правоотношений. Поэтому в рамках свойства презумптивности конституционные принципы неразрывно взаимосвязаны с корреспондирующими им правовыми презумпциями. Следует отметить, что обладание свойством презумптивности не переводит конституционные принципы в разряд правовых презумпций.

Правовые презумпции, так же как и правовые аксиомы, имеют долгую историю и известны еще со времен римского права. Правовая презумпция в обобщенном виде представляет собой прямо или косвенно закрепленное в правовой норме предположение, которое считается истинным, пока не будет установлено иное. Очевидно, что роль правовых презумпций в эффективном урегулировании всего спектра правоотношений нельзя переоценить. В первую очередь это, безусловно, касается конституционных презумпций, которые «способствуют формированию единого конституционно-правового пространства... и представляют собой тот необходимый нормативный правовой материал, который обеспечивает связанность и эффективность действия всех элементов механизма конституционно-правового регулирования» [26, с. 334].

Наглядным примером может послужить принцип конституционности нормативных правовых актов: в отсутствие предварительного контроля за конституционностью нормативных правовых актов предполагается, что все требования конституционности были соблюдены, и, как следствие, нормативный правовой акт соответствует положениям принципа конституционности. Вместе с этим, принимая во внимание вероятность принятия законодательным корпусом нормативных правовых актов, не соответствующих положениям Конституции РФ, допускается возможность проверки соблюдения принципа конституционности нормативных правовых актов путем опровержения указанного предположения в Конституционном Суде РФ посредством презумпции конституционности нормативных правовых актов.

Рассматривая взаимосвязь правовых презумпций и принципов, Луи Катцнер справедливо отмечает, что правовые презумпции воплощают в себе правовые принципы и их ценности [27, р. 92–93]. Также высокая важность правовых презумпций обоснованно подтверждается в том числе тем, что

они используются по причинам, связанным с «процессуальным тупиком», экономией времени [28, р. 1439], как и тем, что сами суды имеют ограниченные возможности по непосредственной проверке информации и фактов [29, р. 5].

Таким образом, конституционный принцип обладает свойством презумптивности вследствие обязанности правоприменителя исходить из предположения о соблюдении положений такого принципа всеми субъектами правоотношений, обеспечивая тем самым необходимую стабильность правовой системы государства. В свою очередь корреспондирующая конституционному принципу правовая презумпция является инструментом контроля за надлежащим соблюдением субъектами правоотношений положений такого конституционного принципа.

5. Свойство фиктивности

Конституционные принципы в связи с отсутствием четких границ своего правового содержания и зачастую высокой степенью нормативной обобщенности обладают свойством фиктивности. Как отмечает А.А. Ливеровский, некоторые конституционные принципы так же, как математические аксиомы, строятся на основе первичных понятий – справедливость, свобода, равенство, – которые, как и математические первичные понятия, следует считать фикциями, т. е. понятиями, которым отводится инструментальная роль в теории познания. На них так же, как и на первичные понятия математики, распространяется «общественный договор» об их условно-субъективном понимании. Субъективно воспринимаемые в каждой конституционной культуре фикции, связывая нормативно определенные объекты, формируют объективные конституционные принципы [9, с. 243].

Аналогично правовым аксиомам и правовым презумпциям, юридические фикции имеют долгую историю. Под юридической фикцией (от лат. *fictio* – «выдумка, вымысел») обычно понимается несуществующее положение, которое признается законодательством существующим и вследствие этого обязательным к применению. Очевидно, что юридические фикции следует отличать от фиктивности правовых норм в негативном понимании отсутствия их реализации, т. е. таких норм, которые «закрепляют внешне реальное, возможное в принципе положение, которое не реализуется» [30, с. 51]. Это очень важное уточнение, поскольку юридические фикции в их общепринятом понимании являются существенной и зачастую незаменимой частью правовой системы государства, в то время как фиктивные право-

вые нормы разрушают эту систему, подрывают доверие к ней.

Юридические фикции находят свое отражение во всех отраслях права. Отрасль конституционного права также не лишена юридических фикций, которые в силу особенностей данной отрасли как регулятора всех аспектов государственной и общественной жизни обладают определенной спецификой и имеют отличия от фикций в других отраслях права. Как правило, правоведы определяют конституционно-правовую фикцию как средство юридической техники. Так, по мнению Е.В. Ильиной, конституционно-правовая фикция может рассматриваться «как универсальное средство юридической техники, при помощи которого относительно произвольно конструируется заведомо не существующее положение, признаваемое существующим, и наоборот, носящее категоричный, императивный, неопровержимый, формальный характер, закрепляемое в законодательстве, выражающее законодательную политику и имеющее особое целевое назначение в механизме правового регулирования наиболее значимых общественных отношений» [7]. Схожей позиции придерживается Е.С. Аничкин, который указывает, что конституционно-правовые фикции – «это нормативные положения, содержащиеся в Конституции РФ и иных источниках конституционного права, которые признают заведомо несуществующее положение существующим и наоборот, а также имеют отраслевые особенности» [4, с. 100].

Вместе с этим в позициях правоведов встречается неопределенность в понимании конституционно-правовой фикции, вызванная отождествлением фикции как средства юридической техники и свойства фиктивности. Полагаем, что следует отличать конституционно-правовую фикцию как средство юридической техники от свойства фиктивности.

Например, по мнению В.Н. Пяткина, конституционно-правовая фикция – «это императивное нормативное положение, легально созданное государством (народом), выражающее государственную законодательную политику, закрепляемое в конституции и конституционном законодательстве, устанавливающее (регулирующее) порядок, состояния, процессы, институты, которые не соответствуют действительности, но являются проекцией воли законодателя, влекущие определенные юридические последствия в конституционно-правовой сфере» [11, с. 87]. В данном определении не усматривается характеристика конституционно-правовой фикции как средства юридической техники. Вместе с этим при-

существуют характеристики состояний, институтов, процессов, которые не соответствуют действительности. Вследствие отсутствия уточняющих аспектов в данном определении, речь вполне может идти о свойстве фиктивности конституционных установлений, которое в том числе выражается в их высокой нормативной обобщенности и абстрактности. Или о других аспектах фиктивности указанных нормативных установлений.

Далее обратим внимание на позиции авторов, рассматривающих, как нам представляется, конституционно-правовые фикции в смысле свойства фиктивности, в том числе конституционных принципов. Так, Ю.В. Ким полагает, что «тенденция отказа от объективной истины нередко наблюдается и в политическом процессе, обслуживание которого известным образом осуществляет конституционное право, нормы которого несут на себе существенную идеологическую нагрузку и выполняют, помимо регулятивной, функцию программирования и воспроизводства господствующей в обществе политико-правовой доктрины» [8, с. 8]. С этой стороны, по мнению данного исследователя, «основной закон любого государства предстает в качестве своеобразного юридического инструмента, конституирующего политические мифы соответствующей эпохи» [8, с. 9]. В данном случае Ю.В. Ким справедливо указывает на особую роль конституционного права, его идеологическую и политическую составляющие, которые в своей совокупности формируют свойство фиктивности положений данной отрасли права.

В этой связи справедливо отмечается, что фикция выступает неким инструментом отражения конституционных ценностей в конституционных нормах и в качестве средства формирования конституционной нормы, обладающей высшей юридической силой по отношению к другим нормам права, поскольку на основании конституционных норм осуществляется строительство и развитие отраслевого законодательства Российской Федерации [6, с. 59]. Полагаем, что в данном случае речь также идет о фикции в смысле придания свойства фиктивности конституционным установлениям посредством отражения в них основополагающих положений общего характера.

В том же ключе рассматривает конституционно-правовые фикции Е.С. Аничкин, который указывает, что «фундаментальное положение конституционного права в правовой системе России, наивысший уровень юридической силы положений Конституции Российской Федерации как главного источника конституционного права, традиционная услов-

ность и ирреальность отдельных положений Основного закона государства, существенная зависимость конституционного права от официальной идеологии и политической ситуации и ряд других обстоятельств создают благоприятную почву для формирования конституционно-правовых фикций» [4, с. 90].

Конституция РФ содержит в себе целый ряд установлений, значение которых носит неоднозначный характер, вызывает споры среди исследователей и затруднения в правоприменении. К таким конституционным установлениям в том числе относятся положения, закрепленные в первой главе «Основы конституционного строя» Конституции РФ. Речь идет прежде всего о характеристике России как демократического, правового и социального государства. Данные конституционные установления обладают высокой степенью нормативной обобщенности, абстрактности и отсутствием четких границ правового содержания. Следствием этого является неизбежное приобретение такими конституционными установлениями свойств фиктивности. В этой связи Е.С. Аничкин справедливо указывает на то, что фиктивность конституционно-правовых норм вызывается незавершенностью и неполноценностью правового регулирования, а средой обитания фикций являются абстрактные правовые понятия, термины, понимание и толкование которых отличается дискуссионностью и неоднозначностью. Как правило, по мнению этого исследователя, у таких понятий отсутствуют легальные определения, не детализированы правовые признаки, что обуславливает их смысловую подвижность в зависимости от складывающейся конъюнктуры. К числу таких понятий этот исследователь справедливо относит «государство», «демократия», «суверенитет», «справедливость», «свобода», «достоинство», «гражданское общество», «федерализм» [4, с. 92–93]. Аналогичной позиции придерживается Ю.В. Ким, который отмечает, что к категориям фикций относятся такие конституционно-правовые явления, уровень институциональной определенности которых не вполне прояснен. К их числу он справедливо относит как сам термин «государство», так и усложненные его версии («демократическое государство», «правовое государство», «социальное государство», «федеративное государство») в связи с отсутствием в науке универсальных определений этих понятий [8, с. 8–9].

Таким образом, на наш взгляд, свойство фиктивности конституционного принципа в рамках триединства его свойств заключается прежде всего в отсутствии четких границ правового содержания кон-

ституционного принципа, а также абстрактности и высокой степени нормативной обобщенности. Само по себе отсутствие четких границ правового содержания, абстрактность и высокая степень нормативной обобщенности является, на наш взгляд, промежуточной характеристикой конституционных принципов. Фактически это означает, что на законодательном уровне закреплены абстрактные, юридически не конкретизированные положения. Это обстоятельство, в свою очередь, является характеристикой свойства фиктивности. Вместе с тем высокая степень нормативной обобщенности определяет потенциал конституционных принципов, позволяющий полноценно раскрывать их положения, тем самым развивая правовую систему и обеспечивая ее эффективное функционирование. При этом обозначенное свойство фиктивности конституционного принципа не означает, что конституционные установления являются фиктивными в негативном смысле отсутствия или невозможности их реализации, поскольку Конституция РФ закрепляет не уже сложившиеся отношения, а, в частности, те цели и задачи, которые стоят перед обществом и государством для полноценной и эффективной реализации ее положений.

6. Заключение

Подводя итог, подчеркнем, что правовые принципы являются крайне важными во всех сферах своего применения правовыми категориями, которым придается особое значение. В первую очередь, это, безусловно, относится к конституционным принци-

пам, в правовой природе которых заложено множество определяющих их правовую сущность аспектов. Полагаем, что исследование свойств конституционных принципов является одним из направлений, открывающим новые возможности для изучения таких принципов и взаимосвязанных с ними правовых категорий. В этой связи установлено, что конституционный принцип одновременно обладает свойствами аксиоматичности, презумптивности и фиктивности. Такое триединство свойств конституционных принципов отражает их правовую сущность как основополагающих нормативных установлений, которые определяют общеобязательные базовые правила и направления развития правовой системы, обеспечивают стабильное существование правовой системы государства, обладают потенциалом своевременного развития. Представляется, что такие свойства конституционных принципов должны учитываться в законотворческой, правоприменительной и научно-исследовательской деятельности. Это позволит осуществлять более точное правовое регулирование и расширит возможности по задействию неограниченного потенциала конституционных принципов.

Таким образом, конституционные принципы, зачастую воспринимаемые исследователями и правоприменителями как абстрактные нормы с декларативным содержанием, в действительности являются полноценными правовыми установлениями, которые наделены всеми необходимыми свойствами для достижения конституционных целей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комкова Г. Н. Принципы конституционного права / Г. Н. Комкова // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты : моногр. / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – Саратов : Сарат. гос. акад. права, 2010. – С. 369–392.
2. Bartole S. Comparative Constitutional Law – an Indispensable Tool for the Creation of Transnational Law / S. Bartole // European Constitutional Law Review. – 2017. – Vol. 13, iss. 4. – P. 601–610. – DOI: 10.1017/S1574019617000293.
3. Витрук Н. В. Верность Конституции : моногр. / Н. В. Витрук. – 2-е изд. – М. : Изд-во РГУП, 2016. – 271 с.
4. Аничкин Е. С. Фикции в конституционном праве Российской Федерации: особенности, виды, действие / Е. С. Аничкин // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. – 2018. – Т. 18, № 2. – С. 87–105.
5. Арапов Н. А. К вопросу о понятии «принцип» в конституционном праве: его определение и функции / Н. А. Арапов // Петербургский юрист. – 2016. – № 1. – С. 102–113.
6. Воробьева М. Н. Фикции в конституционном праве Российской Федерации: предпосылки, особенности, значение / М. Н. Воробьева // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2013. – № 4. – С. 58–64.
7. Ильина Е. В. Особенности конституционно-правовых фикций / Е. В. Ильина // Современные научные исследования и инновации. – 2011. – № 4. – URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/08/1758>.

8. Ким Ю. В. О фикциях в конституционном праве / Ю. В. Ким // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 13. – С. 8–9.
9. Ливеровский А. А. Развитие понятийного аппарата конституционного права / А. А. Ливеровский // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 2. – С. 229–247.
10. Матузов Н. И. Принципы права как объект научного исследования / Н. И. Матузов // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты : моногр. / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – Саратов : Сарат. гос. акад. права, 2010. – С. 11–28.
11. Пяткин В. Н. Фикции в конституционном праве / В. Н. Пяткин // Вектор науки Тольятинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2016. – № 3 (26). – С. 86–88.
12. Сивицкий В. А. Презумпция конституционности нормативного правового акта: отдельные аспекты. Первые Бабаевские чтения «Правовые презумпции: теория, практика, техника» / В. А. Сивицкий // Юридическая техника. – 2010. – № 4. – С. 499–502.
13. Мосин С. А. Правовое триединство как форма существования конституционных принципов / С. А. Мосин // Государственная служба и кадры. – 2019. – № 4. – С. 50–52.
14. Жилин Г. А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы / Г. А. Жилин. – М. : Проспект, 2010. – 576 с.
15. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
16. Радько Т. Н. Теория государства и права в схемах и определениях : учеб. пособие / Т. Н. Радько. – М. : Проспект, 2016. – 176 с.
17. Алексеев С. С. Проблемы теории права : в 2 т. / С. С. Алексеев. – Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. – Т. 1. – 396 с.
18. Чечина Н. А. Основные направления развития науки советского гражданского процессуального права / Н. А. Чечина. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1987. – 104 с.
19. Мосин С. А. К вопросу о взаимосвязи правовых аксиом и основ правового государства / С. А. Мосин // Закон и право. – 2015. – № 10. – С. 52–53.
20. Kochenov D. Monitoring and Enforcement of the Rule of Law in the EU: Rhetoric and Reality / D. Kochenov, L. Pech // European Constitutional Law Review. – 2015. – Vol. 11, iss. 3. – P. 512–540. – DOI: 10.1017/S1574019615000358.
21. Graziadei S. Democracy v Human Rights? The Strasbourg Court and the Challenge of Power Sharing / S. Graziadei // European Constitutional Law Review. – 2016. – Vol. 12, iss. 1. – P. 54–84. – DOI: 10.1017/S1574019616000043.
22. Cartabia M. Europe and Rights: Taking Dialogue Seriously / M. Cartabia // European Constitutional Law Review. – 2009. – Vol. 5, iss. 1. – P. 5–31. – DOI: 10.1017/S1574019609000054.
23. Сидоркин А. С. Принципы права: понятие и реализация в российском законодательстве и судебной практике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. С. Сидоркин. – М., 2010. – 25 с.
24. Brittain S. The Relationship Between the EU Charter of Fundamental Rights and the European Convention on Human Rights: An Originalist Analysis / S. Brittain // European Constitutional Law Review. – 2015. – Vol. 11, iss. 3. – P. 482–511. – DOI: 10.1017/S1574019615000255.
25. Robin-Olivier S. Fundamental Rights as a New Frame: Displacing the Acquis / S. Robin-Olivier // European Constitutional Law Review. – 2018. – Vol. 14, iss. 1. – P. 96–113. – DOI: 10.1017/S1574019618000032.
26. Мазаева Е. С. Конституционно-правовые презумпции (сравнительно-правовой аспект) / Е. С. Мазаева // Юридическая техника. – 2010. – № 4. – С. 332–335.
27. Katzner L. I. Presumptions of Reason and Presumptions of Justice / L. I. Katzner // The Journal of Philosophy. – 1973. – Vol. 70, iss. 4. – P. 89–100.
28. Lowe E. N. The California Evidence Code: Presumptions / E. N. Lowe // California Law Review. – 1965. – Vol. 53, iss. 5. – P. 1439–1493.
29. Bernardo A. E. Theory of Legal Presumptions / A. E. Bernardo, E. Talley, I. Welch // Journal of Law, Economics, & Organization. – 2000. – Vol. 16, iss. 1. – P. 1–49.
30. Курсова О. А. Фикции в российском праве : дис. ... канд. юрид. наук / О. А. Курсова. – Н. Новгород, 2001. – 193 с.

REFERENCES

1. Komkova G.N. Principles of Constitutional Law, in: Matuzov N.I., Mal'ko A.V. (eds.). *Printsipy rossiiskogo prava: obscheteoreticheskii i otraslevoi aspekty*, Monograph, Saratov, Saratov State Academy of Law Publ., 2010, pp. 369–392. (In Russ.).
2. Bartole S. Comparative Constitutional Law – an Indispensable Tool for the Creation of Transnational Law. *European Constitutional Law Review*, 2017, vol. 13, iss. 4, pp. 601–610. DOI: 10.1017/S1574019617000293.
3. Vitruk N.V. *Fidelity of the Constitution*, Monograph, 2nd ed. Moscow, Russian State University of Justice Publ., 2016. 271 p. (In Russ.).
4. Anichkin E.S. Fiction in the constitutional law of the Russian Federation: features, types, action. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya RAN = Scientific yearbook of philosophy and law of the Ural Department of the Russian Academy of Sciences*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 87–105. (In Russ.).
5. Arapov N.A. On the question of the concept of "principle" in constitutional law: its definition and functions. *Peterburgskii yurist*, 2016, no. 1, pp. 102–113. (In Russ.).
6. Vorobyova M.N. Fiction in the constitutional law of the Russian Federation: prerequisites, features, significance. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*, 2013, no. 4, pp. 58–64. (In Russ.).
7. Ilyina E.V. Distinctive features of constitutional legal fictions. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii = Modern scientific research and innovation*, 2011, no. 4, available at: <http://web.snauka.ru/en/issues/2011/08/1758>. (In Russ.).
8. Kim Yu.V. On fictions in constitutional law. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2008, no. 13, pp. 8–9. (In Russ.).
9. Liverovsky A.A. Development of the conceptual apparatus of constitutional law. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2018, no. 2, pp. 229–247. (In Russ.).
10. Matuzov N.I. Principles of Law as an Object of Scientific Research, in: Matuzov N.I., Mal'ko A.V. (eds.). *Printsipy rossiiskogo prava: obscheteoreticheskii i otraslevoi aspekty*, Monograph, Saratov, Saratov State Academy of Law Publ., 2010, pp. 11–28. (In Russ.).
11. Pyatkin V.N. Fictions in constitutional law. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki = Science Vector of Tolyatti State University. Series: Legal Sciences*, 2016, no. 3(26), pp. 86–88. (In Russ.).
12. Sivitsky V.A. The presumption of the constitutionality of a normative legal act: certain aspects; The first Babaev readings "Legal presumptions: theory, practice, technology". *Yuridicheskaya tekhnika = Legal technique*, 2010, no. 4, pp. 499–502. (In Russ.).
13. Mosin S.A. Legal triunity as a form of the existence of constitutional principles. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry = State service and personnel*, 2019, no. 4, pp. 50–52. (In Russ.).
14. Zhilin G.A. *Justice in civil cases: topical issues*. Moscow, Prospekt Publ., 2010. 576 p. (In Russ.).
15. Ilyichev L.F., Fedoseev P.N., Kovalev S.M., Panov V.G. (eds.). *Philosophical Encyclopedic Dictionary*, Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1983. 840 p. (In Russ.).
16. Radko T.N. *Theory of state and law in schemes and definitions*, textbook. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 176 p. (In Russ.).
17. Alekseev S.S. *Problems of the theory of law*, in 2 volumes. Sverdlovsk, Sverdlovsk Law Institute Publ., 1972. Vol. 1. 396 p. (In Russ.).
18. Chechina N.A. *The main directions of the development of the science of Soviet civil procedure law*. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1987. 104 p. (In Russ.).
19. Mosin S.A. On the relationship between legal axioms and the foundations of the rule of law. *Zakon i pravo = Law and legislation*, 2015, no. 10, pp. 52–53 (In Russ.).
20. Kochenov D., Pech L. Monitoring and Enforcement of the Rule of Law in the EU: Rhetoric and Reality. *European Constitutional Law Review*, 2015, vol. 11, iss. 3, pp. 512–540. DOI: 10.1017/S1574019615000358.
21. Graziadei S. Democracy v Human Rights? The Strasbourg Court and the Challenge of Power Sharing. *European Constitutional Law Review*, 2016, vol. 12, iss. 1, pp. 54–84. DOI: 10.1017/S1574019616000043.
22. Cartabia M. Europe and Rights: Taking Dialogue Seriously. *European Constitutional Law Review*, 2009, vol. 5, iss. 1, pp. 5–31. DOI: 10.1017/S1574019609000054.

23. Sidorkin A.S. *Principles of Law: Concept and Implementation in Russian Legislation and Judicial Practice*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2010. 25 p. (In Russ.).
24. Brittain S. The Relationship Between the EU Charter of Fundamental Rights and the European Convention on Human Rights: An Originalist Analysis. *European Constitutional Law Review*, 2015, vol. 11, iss. 3, pp. 482–511. DOI: 10.1017/S1574019615000255.
25. Robin-Olivier S. Fundamental Rights as a New Frame: Displacing the Acquis. *European Constitutional Law Review*, 2018, vol. 14, iss. 1, pp. 96–113. DOI: 10.1017/S1574019618000032.
26. Mazaeva E.S. Constitutional and legal presumptions (comparative legal aspect). *Yuridicheskaya tekhnika*, 2010, no. 4, pp. 332–335. (In Russ.).
27. Katzner L.I. Presumptions of Reason and Presumptions of Justice. *The Journal of Philosophy*, 1973, vol. 70, iss. 4, pp. 89–100.
28. Lowe E.N. The California Evidence Code: Presumptions. *California Law Review*, 1965, vol. 53, iss. 5, pp. 1439–1493.
29. Bernardo A.E., Talley E., Welch I. A Theory of Legal Presumptions. *Journal of Law, Economics, & Organization*, 2000, vol. 16, iss. 1, pp. 1–49.
30. Kursova O.A. *Fiction in Russian law*, Cand. Diss. Nizhny Novgorod, 2001. 193 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мосин Сергей Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент департамента публичного права Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики
101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 20
E-mail: m-sa81@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3403-7827
SPIN-код РИНЦ: 1392-5506; AuthorID: 739832

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Sergey A. Mosin – PhD in Law, Associate Professor, Department of Public Law
HSE University
20, Myasnitskaya ul., Moscow, 101000, Russia
E-mail: m-sa81@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3403-7827
RSCI SPIN-code: 1392-5506; AuthorID: 739832

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Мосин С.А. Свойства конституционных принципов / С.А. Мосин // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 3. – С. 126–136. – DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).126-136.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Mosin S.A. Properties of constitutional principles. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2021, vol. 5, no. 3, pp. 126–136. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).126-136. (In Russ.).